

АЛИСА РОМАНОВА

УБИЙСТВО В ДОМЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО



Алиса Романова

**Убийство в доме,
которого не было**

«Автор»

2026

Романова А.

Убийство в доме, которого не было / А. Романова — «Автор»,
2026

После смерти бабушки Алиса Воронова возвращается в дом, который много лет старалась забыть. Она собирается привести его в порядок, решить, что делать с наследством, и уехать. Но уже в первую ночь слышит за стеной три удара. Обычный звук старого дома — так Алиса пытается себя убедить. Пока не обнаруживает, что между стеной и лестницей есть три метра пространства, которых не должно существовать. А потом в её жизни снова появляется Слава Лебедев — мужчина, которому она когда-то доверяла. Семь лет назад он исчез из её жизни, оставив после себя слишком много вопросов. Теперь он просит Алису не трогать стену и не искать старые фотографии. Но Алиса привыкла восстанавливать то, что другие предпочитают скрыть. И вскоре она находит фотографию, сделанную почти девяносто лет назад. На ней — её дом. Третье окно, которого сейчас нет. И человек, стоящий внутри комнаты, которой не существует. А ночью из-за стены снова раздаются три удара. На этот раз Алиса знает: это не случайность.

© Романова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три удара	5
Глава 2. Человек из соседнего дома	12
Глава 3. Старые планы	18
Глава 4. Три метра	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алиса Романова

Убийство в доме, которого не было

Глава 1. Три удара

Дождь начался ещё за двадцать километров до города.

Алиса сначала решила, что это к лучшему.

В такую погоду старый дом будет выглядеть ещё хуже, чем на фотографиях, а значит, ей будет проще убедить себя, что решение продать его — правильное.

Она включила дворники на максимальную скорость и прибавила громкость радио.

Не помогло.

Дорога почти исчезла за серой пеленой воды.

Алиса выключила радио.

Некоторое время она ехала в тишине, слушая только шорох шин по мокрому асфальту.

Город появился неожиданно.

Сначала несколько редких домов, потом заправка, закрытый магазин с выцветшей вывеской, автобусная остановка, которую она помнила ещё с детства.

Она сбросила скорость.

Здесь почти ничего не изменилось.

И это почему-то оказалось хуже всего.

Алиса не была в городе семь лет.

Она ожидала увидеть новые дома, кафе, рекламные щиты, какие-нибудь стеклянные здания, которые обычно появляются там, где люди пытаются доказать, что прошлое осталось в прошлом.

Но город словно отказался двигаться дальше.

Та же площадь.

Тот же серый памятник.

Те же тополя вдоль улицы.

Даже старая аптека стояла на своём месте, только теперь вместо зелёной вывески над дверью висела синяя.

Она проехала мимо, не поворачивая головы.

Через пять минут свернула на знакомую улицу.

Дом бабушки находился почти в самом конце.

Когда-то Алисе казалось, что он огромный.

В детстве она боялась подниматься на второй этаж одна, потому что лестница скрипела даже тогда, когда по ней никто не шёл.

Теперь дом показался ей меньше.

Или, возможно, это она стала больше.

Алиса остановила машину у ворот и несколько секунд просто сидела, не выключая двигатель.

За лобовым стеклом возвышался двухэтажный дом из тёмного кирпича.

Три окна на первом этаже.

Четыре на втором.

Крутая крыша, покрытая старой черепицей.

Над крыльцом — каменный козырёк с трещиной посередине.

Она помнила эту трещину.

Ей было девять, когда бабушка сказала, что собирается её починить.

В двадцать пять Алиса уехала из города.
В тридцать два вернулась.
Трещина всё ещё была на месте.
— Отлично, — тихо сказала Алиса.
Дом ответил ей только дождём.
Она выключила двигатель.
Несколько секунд не двигалась.
Потом взяла ключи и вышла из машины.
Холодный воздух ударил в лицо.
Алиса подняла воротник пальто и посмотрела на дом.
— Ну что, — сказала она уже громче. — Давай закончим с этим.

Ключ от входной двери нашёлся в конверте, который нотариус передал ей вместе с документами.

На конверте бабушкиным почерком было написано только:

«Дом».

Ни имени.

Ни даты.

Ни объяснения.

Алиса тогда решила, что это просто бабушкина привычка.

Теперь, вставляя ключ в замок, она почему-то вспомнила эту надпись.

Замок повернулся с первого раза.

Дверь открылась тяжело, словно дом не хотел её впускать.

Алиса усмехнулась собственным мыслям.

— Перестань.

Она вошла.

Запах ударил сразу.

Сухое дерево.

Пыль.

Старые книги.

И едва уловимый запах лаванды, который всегда стоял в бабушкиной прихожей.

Алиса закрыла дверь.

Тишина оказалась почти физической.

Она сняла пальто, повесила его на крючок и огляделась.

Всё было примерно так, как она помнила.

Зеркало в тёмной деревянной раме.

Старый шкаф.

Часы.

Столик, на котором бабушка держала фарфоровую вазу.

Вазы больше не было.

Наверное, разбилась.

Или её кто-то убрал.

Алиса достала телефон.

На экране было 18:42.

Она открыла закладки.

Первичный осмотр.

И начала писать.

Кровля — осмотреть завтра.

Электрика — полностью заменить.

Отопление — проверить.

Окна — минимум половина под замену.

Она остановилась.

Посмотрела вверх.

Лестница.

Деревянные перила.

Потемневшие ступени.

И странное ощущение, что кто-то смотрит на неё сверху.

Алиса медленно подняла голову.

Второй этаж был пуст.

— Конечно, — пробормотала она.

Она закрыла приложение.

Семь лет в большом городе научили её не пугаться старых домов.

Старые дома скрипят.

Трещат.

Дышат.

Меняют запах в зависимости от погоды.

В них гуляют сквозняки.

Трубы стучат.

Дерево расширяется и сжимается.

У всего есть причина.

А если причины пока нет, значит, её просто ещё не нашли.

Это было гораздо удобнее, чем верить в призраков.

Алиса поднялась по лестнице.

На втором этаже находились три спальни и небольшая ванная.

Её старая комната была первой справа.

Она открыла дверь.

На стене всё ещё оставались светлые прямоугольники там, где когда-то висели фотографии.

Алиса вошла.

В комнате было холоднее, чем внизу.

Она открыла окно.

Дождь забарабанил по стеклу.

За домом виднелись мокрые ветви старой яблони.

Она смотрела на них несколько секунд, а потом заметила стену напротив.

Алиса нахмурилась.

Подошла ближе.

Провела ладонью по обоям.

Постучала костяшками пальцев.

Глухо.

Плотно.

Она постучала ещё раз.

То же самое.

— Ничего.

Алиса достала из сумки лазерный дальномер.

Она всегда носила его с собой.

Профессиональная привычка.

Измерила длину комнаты.

Потом ширину.

Записала цифры.
Перешла в коридор.
Измерила расстояние от стены до лестницы.
Потом снова посмотрела на план дома, который сохранился у неё в телефоне.
Нахмурилась.
Что-то не сходилось.
Она проверила ещё раз.
Потом ещё.
— Странно.
Разница была небольшой.
Около трёх метров.
Но три метра в старом доме — это не мелочь.
Алиса открыла старый план.
Потом посмотрела на стену.
Потом снова на план.
Если размеры были правильными, за стеной должно было находиться помещение.
Но никакого помещения на плане не было.
Она улыбнулась.
Вот теперь стало интересно.

К десяти вечера Алиса закончила первый осмотр.
Внизу она нашла старую аптечку, несколько свечей и работающий чайник.
Интернет не ловил.
Мобильная связь — через раз.
Она решила, что это даже хорошо.
Никаких звонков.
Никаких сообщений.
Никаких людей.
Только она и дом.
Алиса заварила чай и села за кухонный стол.
На столе лежала папка с документами.
Свидетельство о праве собственности.
Старые планы.
Акт передачи.
Несколько счетов.
И фотография бабушки.
Алиса взяла её.
Бабушка сидела на крыльце.
Лето.
Солнце.
На заднем плане — тот же дом.
Только молодой.
И почему-то Алисе показалось, что бабушка смотрит не в объектив, а куда-то за него.
Она перевернула фотографию.
Ничего.
Положила обратно.
В этот момент наверху что-то скрипнуло.
Алиса подняла голову.
Прислушалась.

Тишина.
Она подождала.
Ничего.
— Дерево, — сказала она вслух.
Ей стало немного смешно.
Она продолжила пить чай.
Через минуту снова слышала звук.
На этот раз громче.
Скрип.
Будто кто-то медленно прошёл по коридору второго этажа.
Алиса поставила чашку.
Несколько секунд сидела неподвижно.
Потом встала.
Взяла телефон.
Фонарик.
Лестница.
Один шаг.
Второй.
Третий.
На втором этаже было темно.
Алиса посветила телефоном в коридор.
Пусто.
Двери закрыты.
Она открыла первую.
Спальня.
Пусто.
Вторую.
Пусто.
Третью.
Пусто.
Она уже собиралась возвращаться вниз, когда слышала звук.
Тук.
Алиса замерла.
Посмотрела на стену.
Тук.
Теперь она была уверена.
Звук шёл из стены.
Она подошла ближе.
Положила ладонь на обои.
Холодные.
Никакой вибрации.
— Трубы, — прошептала она.
И тут раздался третий удар.
Тук.
Алиса убрала руку.
Несколько секунд стояла неподвижно.
Потом включила фонарик ярче и осмотрела стену.
Ничего.
Ни трещины.

Ни двери.
Ни отверстия.
Только старые обои.
Она постучала по стене сама.
Один раз.
Звук ушёл в пустоту.
Алиса нахмурилась.
Постучала ещё.
Глухо.
Плотно.
Она снова посмотрела на план.
Три метра.
Невозможное помещение.
Она почти улыбнулась.
— Вот ты где.
В этот момент из стены снова донеслось:
Тук.
Алиса перестала улыбаться.
Она не двигалась.
Смотрела на стену.
Ждала.
Прошла секунда.
Две.
Пять.
Ничего.
— Сквозняк, — сказала она.
Но голос прозвучал неуверенно даже для неё самой.
Алиса медленно отошла.
Спустилась на первый этаж.
Закрыла дверь.
Поднялась снова.
Проверила замок.
Вернулась вниз.
И только когда легла спать, поняла, что всё ещё держит телефон в руке.
Она долго смотрела в потолок.
Дождь бил по крыше.
Дом поскрипывал.
Где-то в трубах журчала вода.
Обычные звуки.
Совершенно обычные.
Алиса закрыла глаза.
Через несколько минут почти уснула.
И тогда слышала это снова.
Но теперь звук был не из стены наверху.
Он пришёл откуда-то совсем близко.
Из темноты за её головой.
Тук.
Пауза.
Тук.

Пауза.

Тук.

Алиса открыла глаза.

И впервые за весь вечер ей стало по-настоящему страшно.

Потому что дверь в спальню была закрыта.

А стук раздался **с той стороны, где стены быть не должно.**

Глава 2. Человек из соседнего дома

Алиса проснулась в шесть сорок три.

И первое, что она сделала, — посмотрела на стену.

Обычная.

Серая полоска утреннего света лежала на старых обоях, подчёркивая мелкие трещины и неровности штукатурки.

Никакой двери.

Никакой пустоты.

Никакого доказательства того, что ночью она слышала три удара.

Алиса лежала неподвижно ещё несколько секунд.

Потом взяла телефон.

06:43.

Она усмехнулась.

— Прекрасно.

Если бы она была человеком, который верит в призраков, это утро можно было бы считать началом серьёзных проблем.

Но она была реставратором.

Она знала, что старые дома умеют издавать звуки, которым позавидует хороший хоррор.

Особенно после дождя.

Дерево набухает.

Металл сжимается.

Кирпичная кладка меняет температуру.

Возникают перепады давления.

А старые трубы вообще способны убедить человека, что в подвале кто-то живёт.

Алиса села на кровати.

Вчерашний звук она помнила слишком хорошо.

Три удара.

Ровно.

С одинаковым интервалом.

Она посмотрела на стену ещё раз.

— Сегодня проверим.

Через двадцать минут она уже стояла в коридоре с измерительным прибором.

На этот раз Алиса не доверяла ни ощущениям, ни старым планам.

Она измерила всё сама.

Ширину спальни.

Расстояние до лестницы.

Толщину стены.

Положение окон.

Высоту потолка.

Потом спустилась на первый этаж и повторила расчёты.

Результат получился ещё страннее.

Она открыла приложение-калькулятор.

Проверила цифры.

Потом ещё раз.

Три метра двенадцать сантиметров.

Она посмотрела на стену.

— Хорошо.

Алиса достала карандаш и сделала отметку прямо на обоях.

— Если здесь ничего нет, я съем этот карандаш.

— Не советую.

Алиса резко обернулась.

На лестнице стоял мужчина.

Несколько секунд она просто смотрела на него.

Потом узнала.

Слава.

Лебедев.

Он выглядел почти так же, как семь лет назад.

И одновременно совершенно иначе.

Стал старше.

Волосы немного короче.

На лице появилась тонкая линия у левого глаза.

Он был в тёмной куртке, мокрой от дождя, и держал в руке два бумажных стакана.

Алиса первой отвела взгляд.

— Ты как сюда попал?

— Через дверь.

— Она была закрыта.

— Теперь нет.

Он поставил стаканы на старый столик у стены.

— Доброе утро.

— Не уверена.

Слава посмотрел на отметку карандашом.

Потом на Алису.

— Ты уже начала разбирать стены?

— Пока нет.

— Хорошо.

— Почему?

Он не ответил.

Алиса скрестила руки на груди.

— Ты вообще собираешься объяснить, почему приходишь ко мне домой без приглашения?

— Это не мой дом.

— Рад, что мы хотя бы в этом согласны.

Слава едва заметно улыбнулся.

И это почему-то разозлило её сильнее, чем если бы он начал оправдываться.

— Бабушка оставила мне ключи, — сказала Алиса.

— Я знаю.

Она посмотрела на него.

— Откуда?

— Нотариус звонил мне.

— Зачем?

— Спросить, знаю ли я что-нибудь о доме.

— И ты сказал?

Слава пожал плечами.

— Что знаю.

— Очень содержательно.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты плохо спала.
Алиса замолчала.
— С чего ты взял?
— У тебя глаза красные.
— Спасибо.
— Это не комплимент.
— Я поняла.
Между ними повисла пауза.
Когда-то они могли молчать часами.
Теперь даже несколько секунд казались слишком длинными.
Слава взял один из стаканов.
— Кофе.
— Мне не нужен.
— Ты всегда пила кофе утром.
Алиса посмотрела на стакан.
Потом на него.
— Семь лет назад.
— Да.
Она не стала брать.
Слава поставил стакан рядом со вторым.
— Значит, ничего не изменилось.
— Изменилось многое.
Он кивнул.
— Знаю.
Алиса отвернулась.
Она не хотела вспоминать.
Не сейчас.
И особенно не с ним.
— Что тебе нужно?
Слава несколько секунд смотрел на стену.
— Я хотел посмотреть дом.
— Зачем?
— Проверить состояние.
— Я реставратор.
— Я знаю.
— Тогда зачем?
— Потому что я тоже реставратор.
— Архитектор.
— Архитектор-реставратор.
— Как удобно.
Он снова улыбнулся.
На этот раз Алиса не улыбнулась в ответ.
— Ты ничего не меняешь без обследования, — сказал Слава. — Особенно здесь.
— Здесь — это где?
Он посмотрел на стену.
Ту самую.
Алиса заметила это сразу.
— Ты знаешь, что там?
— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.
Алиса ничего не сказала.
Слава выдержал её взгляд.
— Я серьёзно.
— Конечно.
Он подошёл ближе.
Провёл ладонью по стене.
Точно там же, где ночью стояла Алиса.
— Старая кладка, — сказал он.
— За стеной три метра пустого пространства.
Он убрал руку.
— Ты уверена?
— Я измеряла дважды.
— Перемерь ещё раз.
— Зачем?
— Потому что старые планы иногда ошибаются.
— А измерения?
Слава посмотрел на неё.
— Люди тоже.
Алиса нахмурилась.
— Что это значит?
— Ничего.
— Ты всегда так отвечаешь?
— Только когда понимаю, что разговор идёт не туда.
— А куда он должен идти?
Слава посмотрел на неё несколько секунд.
— Тебе лучше не заниматься этой стеной.
— Почему?
На этот раз он не ответил сразу.
И Алиса увидела то, чего не ожидала.
Страх.
Совсем немного.
Едва заметный.
Но он был.
Слава посмотрел на стену ещё раз.
— Просто поверь мне.
Алиса тихо рассмеялась.
— После семи лет молчания?
Он ничего не сказал.
— Ты серьёзно думаешь, что я просто поверю тебе?
— Нет.
— Тогда зачем просишь?
— Потому что должен был попробовать.
Слава взял свою куртку.
— Я пойду.
— Слава.
Он остановился.
— Что?
— Ты был здесь вчера ночью?

Он медленно повернулся.

— Нет.

Алиса смотрела ему прямо в глаза.

— Точно?

— Точно.

Он открыл дверь.

— И ещё, Алиса...

— Что?

— Если ночью снова услышишь стук...

Он замолчал.

Алиса почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Что?

Слава посмотрел на стену.

— Не отвечай.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Алиса несколько секунд стояла неподвижно.

Потом медленно подошла к окну.

Из окна второго этажа было видно соседний дом.

Слава уже переходил через двор.

Она смотрела ему вслед.

И вдруг заметила одну деталь.

Он не пошёл к своей машине.

Он остановился у ворот.

Поднял голову.

И посмотрел прямо на окно её спальни.

Туда, где ночью раздались три удара.

Алиса отступила от окна.

Через час она снова сидела за кухонным столом.

Перед ней лежал старый план дома.

Рядом — её собственные измерения.

Она обвела карандашом участок между спальней и лестницей.

Три метра двенадцать сантиметров.

Помещение примерно двенадцать квадратных метров.

Она написала сверху:

ВОЗМОЖНАЯ СКРЫТАЯ КОМНАТА.

Потом зачеркнула слово «возможная».

Подумала.

Написала:

КОМНАТА.

Затем открыла телефон.

Нашла номер Славы.

Палец завис над кнопкой вызова.

Она не позвонила.

Вместо этого открыла браузер и начала искать старые планы дома.

Первые результаты ничего не дали.

Потом она нашла сайт местного архива.

И старую фотографию.

Чёрно-белую.

Дом выглядел почти так же.
Алиса увеличила изображение.
И замерла.
На втором этаже, между двумя окнами, находилось третье.
Она медленно приблизила фотографию.
Третье окно выходило именно на ту стену, за которой, согласно её измерениям, находилось пустое пространство.
Но в сегодняшнем доме окна не было.
Алиса проверила ещё раз.
Снимок был датирован:
1938 год.
Она сохранила фотографию.
Потом увеличила участок ещё сильнее.
На стекле третьего окна отражалась чья-то фигура.
Человек стоял внутри комнаты.
Лица не было видно.
Алиса нахмурилась.
Скорее всего, фотограф просто случайно оказался в отражении.
Она уже собиралась закрыть изображение, когда телефон завибрировал.
Сообщение.
От Славы.
Всего четыре слова:
«Не ищи старые фотографии».
Алиса посмотрела на экран.
Потом на фотографию.
И впервые за утро ей стало ясно:
Слава не просто знал о доме.
Он знал, что именно она сейчас нашла.
Она медленно подняла взгляд на стену.
За ней было двенадцать квадратных метров пустого пространства.
По крайней мере, так она пока считала.
И где-то там, за несколькими слоями штукатурки и кирпича, возможно, действительно существовала комната.
Комната, о которой Слава не хотел говорить.
Комната, которую кто-то семь лет назад очень хотел забыть.
И комната, из которой прошлой ночью кто-то трижды постучал.
Алиса взяла карандаш.
Подошла к стене.
И поставила ещё одну отметку.
На этот раз — крест.
Затем тихо сказала:
— Посмотрим, кто кого.

Глава 3. Старые планы

Алиса начала с архива.

Не с того, что ей хотелось сделать больше всего, — снять обои, простучать стену и выяснить, что находится за ней. И даже не с сообщения Славе, которое она уже десять минут набирала и стирала.

Она начала с документов.

Потому что документы не умели смотреть на неё с выражением человека, который знает правду, но считает, что ей лучше её не знать.

По крайней мере, так было принято считать.

К половине одиннадцатого на кухонном столе лежали ноутбук, блокнот, старый план дома и распечатанная фотография 1938 года.

Алиса снова открыла снимок.

Три окна на втором этаже.

Два — по краям фасада, третье — между ними.

Она увеличила изображение и попыталась рассмотреть раму.

Фотография была не слишком хорошего качества. На стекле виднелось светлое пятно, похожее на отражение неба. Чуть ниже угадывался тёмный силуэт.

Человек стоял за окном.

Или Алисе очень хотелось, чтобы там кто-то стоял.

Она закрыла фотографию.

— Начнём с простого.

На сайте архива нашлись ещё три документа, связанные с домом Вороновых.

План первого этажа, датированный 1912 годом.

План второго этажа, составленный в 1956-м.

И техническое обследование здания за 1984 год.

Последний документ был загружен в виде скана, поэтому Алисе пришлось увеличить изображение почти до нечитаемого размера.

Она нахмурилась.

На плане второго этажа между спальней и лестницей действительно находилось небольшое помещение.

Без подписи.

Без номера.

Просто прямоугольник, примыкающий к спальне с одной стороны и к узкому техническому коридору — с другой.

Алиса придвинулась к экрану.

Вот оно.

Двенадцать квадратных метров.

Она почувствовала короткое, почти детское удовлетворение.

Не призрак. Не проклятие. Не комната, которая возникла из ниоткуда.

Обычная ошибка в документации.

Или помещение, которое когда-то существовало, а потом было заложено.

Она открыла план 1984 года.

Прямоугольника не было.

Алиса сравнила изображения.

Стена на месте.

Лестница на месте.

Спальня на месте.

А пространство исчезло.

Не было даже обозначения заложённого проёма. Никакой дополнительной кладки, никакой перегородки, которую следовало бы демонтировать.

Словно помещение просто перестало существовать на бумаге.

— Так не бывает, — пробормотала она.

Слова прозвучали неубедительно.

Алиса сохранила оба плана и открыла блокнот.

1912 — помещение есть.

1938 — окно есть.

1956 — помещение есть.

1984 — помещения нет.

Она остановилась.

Между 1956-м и 1984-м прошло двадцать восемь лет.

Достаточно, чтобы провести капитальный ремонт, изменить планировку и забыть о старой комнате.

Но недостаточно, чтобы объяснить, почему снаружи исчезло окно, а изнутри не осталось ни следа его существования.

Алиса достала рулетку и ещё раз проверила расстояние от лестницы до стены.

Три метра двенадцать сантиметров.

Она записала результат.

Затем открыла файл с фотографией и увеличила изображение до предела.

На обороте снимка, разумеется, ничего не было: фотографию она нашла в электронном архиве. Но в описании значилось, что оригинал хранится в районном краеведческом фонде.

Автор неизвестен.

Дата — 1938 год.

Подпись составителя каталога: «Дом семьи Вороновых. Северный фасад».

Алиса перечитала строку.

Семьи Вороновых.

Она всегда знала, что дом принадлежал её семье. Бабушка рассказывала об этом в детстве, но никогда не любила говорить о прошлом. На любые вопросы отвечала одинаково: дом старый, история длинная, когда-нибудь всё узнаешь.

Когда-нибудь так и не наступило.

А теперь бабушка была мертва.

И единственное, что она оставила внучке, — дом, в котором не сходились размеры.

Алиса взяла телефон.

Открыла переписку со Славой.

Последнее сообщение по-прежнему висело на экране:

«Не ищи старые фотографии».

Она набрала:

«Почему?»

Посмотрела на слово.

Стерла.

Набрала другое:

«Что случилось семь лет назад?»

Палец замер над кнопкой отправки.

Нет.

Она не собиралась снова отдавать ему право решать, когда ей можно узнать правду.

Алиса заблокировала телефон и вернулась к архиву.

К полудню она нашла адрес районного архива и номер сотрудника, отвечавшего за старые фотографии.

Трубку сняла женщина с усталым голосом.

— Краеведческий фонд, слушаю.

— Здравствуйте. Меня зовут Алиса Воронова. Я ищу материалы по старому дому на улице Садовой. Он принадлежал моей семье.

На другом конце провода что-то зашуршало.

— Садовая, четырнадцать?

Алиса замерла.

— Да. Откуда вы знаете?

— Подождите минуту.

Женщина не ответила.

Послышались щелчки клавиатуры, затем шелест бумаги.

Алиса посмотрела на экран телефона, проверяя, не прервался ли звонок.

— Алло?

— Да, я здесь. Вы хотите посмотреть фотографию 1938 года?

— Не только её. Мне нужны все планы здания, которые сохранились.

— Понимаете, — медленно произнесла женщина, — с этим домом есть некоторые сложности.

Алиса выпрямилась.

— Какие именно?

— Часть материалов недоступна.

— Почему?

— Они находятся на реставрации.

— Все?

— Не все.

— Тогда я хотела бы посмотреть доступные.

Женщина вздохнула.

— Вы можете приехать завтра. Но я бы на вашем месте сначала поговорила с Виктором Орловым.

Алиса записала имя.

— Кто это?

— Он много лет занимался историей вашего дома. У него есть собственные материалы.

— Как мне с ним связаться?

Женщина помолчала.

— Я дам вам номер.

Через минуту Алиса получила сообщение с незнакомым номером телефона.

Она поблагодарила сотрудницу и завершила звонок.

Потом ещё раз посмотрела на экран.

Виктор Орлов.

Человек, который много лет изучал её дом.

Человек, о котором она никогда не слышала.

Она открыла браузер и ввела имя.

Поиск выдал несколько коротких упоминаний в местных новостях, старую заметку о выставке исторических фотографий и одну фотографию мужчины лет пятидесяти пяти.

На снимке он стоял перед архивными стеллажами, держа в руках пожелтевшую папку.

Подпись сообщала, что Орлов участвовал в подготовке выставки «Город, которого больше нет».

Алиса пролистала страницу ниже.

И остановилась.

В короткой заметке, опубликованной двенадцать лет назад, говорилось о лекции Орлова, посвящённой исчезнувшим зданиям и странностям старых городских планов.

Последняя строка была подчёркнута в электронной версии:

«Особое внимание исследователь уделяет случаям, когда на фотографиях и документах разных лет присутствуют архитектурные элементы, отсутствующие в сохранившихся зданиях».

Алиса медленно откинулась на спинку стула.

Исчезнувшие окна.

Комнаты, которых нет на современных планах.

Человек, который изучал именно такие несоответствия.

Она посмотрела на фотографию 1938 года.

Затем снова на номер Орлова.

Позвонила.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Слушаю, — ответил мужской голос.

— Виктор Орлов?

— Да.

— Меня зовут Алиса Воронова. Я внучка Елены Вороновой. Мне дали ваш номер в районном архиве.

Молчание.

Не долгое, всего пару секунд.

Но Алиса успела заметить, как изменилось её собственное дыхание.

— Вы сказали — Вороновой? — переспросил мужчина.

— Да.

— Вы сейчас в доме?

Алиса посмотрела на стену кухни.

— Да. А что?

На другом конце провода послышался тихий выдох.

— Тогда не трогайте стену.

Она медленно положила ручку на стол.

— Что вы знаете о моём доме?

— Я знаю, что вам не следовало возвращаться одной.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился Орлов. — Не ответ.

— Вы можете объяснить, что происходит?

— Не по телефону.

— Почему?

— Потому что я не уверен, кто ещё может услышать наш разговор.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она посмотрела на окна.

За стеклом колыхались мокрые ветки старой яблони.

На улице никого не было.

— Вы хотите сказать, что за мной следят?

— Я хочу сказать, что фотографии, которые вы нашли, лучше не отправлять никому.

Алиса замерла.

Она ещё никому не отправляла фотографию.

Даже Славе.

— Откуда вы знаете, что я нашла фотографию?

Орлов не ответил сразу.

— Вы видели третье окно?

Алиса сжала телефон.

— Да.

— И человека за стеклом?

Она почувствовала, как холодок сменился тяжёлым, неприятным ощущением под рёбрами.

— Да.

— Тогда слушайте меня внимательно. Сегодня никуда не уходите после наступления темноты. И, если услышите стук, не открывайте дверь.

Алиса резко поднялась.

Стул скрипнул по полу.

— Откуда вы знаете про стук?

Но в трубке уже звучали короткие гудки.

Орлов отключился.

Алиса ещё долго стояла посреди кухни.

Она пыталась убедить себя, что всё это можно объяснить.

Сотрудница архива могла знать о фотографиях.

Орлов мог слышать местные легенды.

Стук мог быть обычным звуком старого дома.

Но оставалась одна деталь.

Она никому не рассказывала о трёх ударах.

Ни архиву.

Ни Орлову.

Ни Славе.

По крайней мере, так ей казалось.

Алиса подошла к стене и приложила ладонь к обоям.

Холодная.

Она постучала костяшками пальцев.

Тук.

Тук.

Тук.

Звук получился глухим, обычным.

За стеной ничего не отозвалось.

— Очень смешно, — прошептала она.

Она уже собиралась отойти, когда заметила, что на обоях чуть ниже её утреннего креста появилась тонкая тёмная линия.

Алиса наклонилась.

Сначала решила, что это трещина.

Но линия была слишком ровной.

Она провела по ней ногтем.

Под пальцем что-то осыпалось.

Крошечный кусочек старой краски упал на пол.

Под ним показалась тёмная поверхность.

Дерево.

Алиса замерла.

В стене, под слоями обоев и штукатурки, находилось что-то деревянное.

Она осторожно соскоблила ещё немного краски.
Узкая вертикальная полоска стала шире.
Потом обнаружилась вторая — параллельная первой.
Между ними было около восьмидесяти сантиметров.
Алиса медленно отступила.
Это могла быть старая дверная коробка.
Заложенный проём.
Обычная архитектурная деталь, которую когда-то закрыли во время ремонта.
И всё же она не понимала, почему на современных планах не было даже упоминания о такой двери.
Она достала телефон и сделала несколько фотографий.
Потом увеличила снимок.
На тёмной поверхности проступала едва заметная царапина.
Алиса приблизила изображение ещё сильнее.
Это была не случайная царапина.
Кто-то вырезал в дереве короткую надпись.
Буквы были почти стёрты, но их ещё можно было разобрать.
Алиса наклонилась ближе.
И прочитала:
«Е. В. 1997».
Она перестала дышать.
Елена Воронова.
Её мать.
Женщина, которая, согласно официальным документам, погибла почти тридцать лет назад.
Алиса выпрямилась и посмотрела на стену.
За ней, возможно, действительно была комната.
Но теперь у неё появился другой вопрос.
Если мать оставила здесь свою метку в 1997 году...
Почему бабушка так и не сказала Алисе, что дверь существует?

Глава 4. Три метра

Алиса сфотографировала надпись ещё раз.

Сначала без вспышки.

Потом со вспышкой.

Затем включила фонарик и направила свет вдоль стены, почти параллельно поверхности. При таком освещении даже неглубокие царапины отбрасывали тени, и буквы становились заметнее.

Е. В. 1997.

Она увеличила изображение.

Буква «Е» была вырезана неровно, с короткой средней чертой. Точка после инициалов казалась глубже остальных царапин, будто человек несколько раз возвращался к ней, надавливая на нож сильнее, чем требовалось.

Алиса знала этот почерк.

Нет, не почерк. Она не могла помнить, как мать вырезала буквы на дереве, когда ей было два года.

Но она помнила старую фотографию из бабушкиного альбома. Мать сидела у окна, держа на коленях раскрытую книгу. На внутренней стороне её запястья темнел маленький шрам в форме полумесяца.

Алиса не знала, почему именно сейчас вспомнила эту деталь.

Наверное, потому, что мозг пытался найти хоть что-то знакомое в истории, которая не имела смысла.

Она опустила телефон.

— Елена Воронова, — произнесла вслух.

Имя прозвучало непривычно официально.

Дома мать называли Леной. В документах она была Еленой Андреевной Вороновой. В рассказах бабушки — просто твоей мамой.

И почти всегда разговор на этом заканчивался.

Алиса снова посмотрела на надпись.

1997 год.

По официальной версии, мать погибла весной. Но почему её инициалы появились на деревянной конструкции в доме? И почему рядом стоял именно этот год?

Возможно, надпись оставили раньше, до того, как стену заложили.

Возможно, это была дата ремонта.

Возможно, она вообще принадлежала другому человеку.

Слишком много возможностей для трёх букв и четырёх цифр.

Алиса заставила себя отойти от стены.

Она не собиралась делать выводы, пока не изучит конструкцию.

Это было первое правило реставрации: сначала понять, что перед тобой, и только потом решать, что с этим делать.

Второе правило было проще.

Если объект начинает вести себя так, будто у него есть собственные намерения, не стоит считать это достаточным основанием, чтобы немедленно его разобрать.

Алиса невесело усмехнулась.

— Отлично. Я разговариваю со стенами.

Она закрыла телефон и пошла за инструментами.

Через полчаса кухня превратилась в импровизированную мастерскую.

На столе лежали рулетка, небольшой уровень, фонарик, блокнот и старый складной нож, которым Алиса пользовалась для снятия образцов краски.

Она не собиралась вскрывать стену. Пока — нет.

Для начала следовало выяснить, действительно ли под обоями находилась дверная коробка.

Алиса сняла небольшой фрагмент отслоившихся обоев справа от надписи. Работала осторожно, стараясь не повредить нижние слои.

Под ними обнаружилась известковая штукатурка.

Ещё ниже — тонкий слой старой краски, затем дерево.

Не кирпич.

Не камень.

Дерево.

Она осторожно очистила поверхность на несколько сантиметров вверх и вниз.

Вертикальная линия продолжалась почти на полтора метра. Затем уходила под слой штукатурки.

Алиса проверила вторую линию.

Та была такой же.

Две стойки, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга.

Дверной проём.

Почти наверняка.

Она провела пальцами по дереву и почувствовала неглубокую выемку. В ней скопилась пыль, но под слоем грязи угадывалась металлическая деталь.

Петля.

Алиса включила фонарик.

Старая железная петля была покрыта тёмным налётом. Её не сняли перед тем, как заложить проём. Просто закрыли штукатуркой и обоями.

Она проверила высоту.

Потом ширину.

Получалось, что здесь действительно когда-то была дверь.

Но куда она вела?

В коридор?

В соседнее помещение?

Или в ту самую комнату, которой не было на плане 1984 года?

Алиса достала блокнот и нарисовала схему.

Если дверной проём находился именно там, где она предполагала, то он должен был выходить в пространство между спальней и лестницей.

В пространство размером двенадцать квадратных метров.

Она отложила карандаш.

Потом взяла телефон и снова открыла фотографию 1938 года.

Третье окно.

Дверь.

Пустое пространство.

Три разных свидетельства, которые указывали на одно и то же место.

Алиса почувствовала, как внутри поднимается знакомое возбуждение — то самое, которое появлялось у неё при обнаружении скрытой росписи или старой кладки под несколькими слоями позднего ремонта.

Только обычно под штукатуркой находилось что-то красивое.

Или хотя бы понятное.

Здесь же каждый ответ порождает два новых вопроса.

Телефон завибрировал.
Номер был незнакомым.
Алиса ответила не сразу.
— Слушаю.
— Это Виктор Орлов.
Она выпрямилась.
— Вы вчера бросили трубку.
— Да.
— Обычно после такого люди хотя бы извиняются.
— Обычно люди не звонят мне из дома, в котором тридцать лет назад исчезла женщина.
Алиса посмотрела на стену.
— Вы говорите о моей матери?
— Да.
— Тогда, может быть, вы наконец объясните, что знаете?
Орлов помолчал.
— Вы нашли надпись?
Алиса медленно сжала телефон.
— Откуда вы знаете про надпись?
— Я не знаю, что именно вы нашли. Я предполагаю.
— На чём основано ваше предположение?
— На том, что вы вернулись в дом. На старой фотографии. На том, что ваша бабушка больше не может помешать вам задавать вопросы.
Алиса почувствовала раздражение.
— Вы говорите загадками.
— Потому что пока не знаю, насколько далеко вы зашли.
— Я сняла часть обоев. Под ними обнаружилась старая дверная коробка.
На другом конце провода стало тихо.
— Не продолжайте, — сказал Орлов.
— Почему все говорят мне, чего я не должна делать?
— Потому что некоторые вещи лучше не трогать, пока не понимаешь, что они собой представляют.
— Я реставратор. Я умею обследовать старые конструкции.
— Я знаю.
— Тогда вы должны понимать, что я не собираюсь крушить стену кувалдой.
— Алиса, — произнёс он уже другим тоном. — Вы думаете, что ищете комнату. Но комната — не самое опасное, что есть в этом доме.
Она закрыла глаза.
— Что тогда опасно?
— То, что кто-то очень давно решил скрыть.
— Кто?
— Я пока не могу вам этого сказать.
— Не можете или не хотите?
— И то и другое.
Алиса коротко рассмеялась.
— Замечательно. Ещё один человек, который знает правду, но считает меня недостаточно взрослой, чтобы её услышать.
— Дело не в этом.
— Тогда в чём?
Орлов вздохнул.

— Ваша мать оставила не только надпись.

Алиса перестала улыбаться.

— Что ещё она оставила?

— Это я и пытаюсь выяснить.

— Вы хотите сказать, что никогда не были в комнате?

— Был.

Она замерла.

— Когда?

— Много лет назад.

— И что там находилось?

Орлов помолчал так долго, что Алиса решила: он снова отключился.

Но потом он заговорил.

— Фотография.

— Какая?

— Ваша.

Алиса почувствовала, как холодеют пальцы.

— Мне было два года.

— Я знаю.

— Вы видели фотографию двухлетней меня в комнате, которой не существует?

— Да.

Она посмотрела на стену.

На деревянную коробку.

На вырезанные буквы.

— И когда это было?

Орлов не ответил сразу.

— Двадцать девять лет назад.

Связь оборвалась.

На этот раз Алиса не стала перезванивать.

Она медленно опустила телефон на стол.

Двадцать девять лет назад.

1997 год.

Тот самый год, который кто-то вырезал на двери.

Она попыталась вспомнить мать.

Не фотографию. Не чужие рассказы. Настоящее воспоминание.

Запах её духов.

Тепло руки.

Голос.

Но память оставалась пустой, будто кто-то аккуратно вырезал из неё целый фрагмент.

Алиса не знала, было ли это нормально для ребёнка, которому едва исполнилось два года.

И не знала, почему ей вдруг показалось, что дело не только в возрасте.

Слава появился после четырёх.

На этот раз он не вошёл без приглашения.

Он постучал в дверь.

Два раза.

Алиса посмотрела на неё, потом на стену.

— Если это ты, — сказала она, — то очень неудачная шутка.

За дверью послышался знакомый голос:

— Это я.

Она открыла.

Слава стоял на пороге без куртки, с папкой под мышкой. Его взгляд сразу переместился на её руки.

На пальцах осталась белая пыль.

— Что ты сделала?

— Сняла обои.

Он посмотрел на неё так, словно она сообщила, что снесла половину дома.

— Алиса...

— Даже не начинай.

Она отступила, пропуская его внутрь.

Слава вошёл и остановился в коридоре.

— Ты нашла дверь?

Алиса медленно повернулась к нему.

— Какую дверь?

Он посмотрел на стену.

Потом на неё.

И понял, что сказал лишнее.

— Я имел в виду старый проём.

— Нет, Слава. Ты имел в виду дверь.

Он ничего не ответил.

Алиса скрестила руки.

— Ты знал, что она там.

— Я предполагал.

— На основании чего?

— Старых планов.

— Каких именно?

Слава открыл папку.

Внутри лежали несколько листов, сложенных пополам. Бумага пожелтела по краям, на одном из листов сохранился чертёж второго этажа.

Алиса выхватила его почти сразу.

— Откуда это?

— Из моего архива.

— Ты хранишь планы моего дома?

— Да.

— Семь лет?

— Да.

Она посмотрела на него.

— Почему?

Слава выдержал её взгляд.

— Потому что после той ночи я пытался понять, что здесь произошло.

В комнате стало тихо.

Алиса медленно положила план на стол.

— Ты сказал, что не был здесь.

— Я знаю.

— Ты сказал это полиции.

— Да.

— Ты подписал показания.

Слава опустил глаза.

— Да.

Она ждала объяснений.

Но он молчал.

— Знаешь, что самое ужасное? — спросила Алиса. — Даже не то, что ты солгал. А то, что я тогда верила тебе больше, чем себе.

Он поднял голову.

— Алиса...

— Нет. Не надо. Семь лет назад я помнила, как ты стоял рядом со мной. Помнила твои руки. Помнила, как ты кричал, чтобы я не двигалась. А потом прочитала твои показания и решила, что, возможно, всё перепутала.

Она сглотнула.

— Я начала сомневаться в собственной памяти, Слава. А ты позволил мне это сделать.

Он побледнел.

— Я не хотел, чтобы ты сомневалась в себе.

— Но именно это и произошло.

Слава закрыл глаза на секунду.

Когда он снова посмотрел на неё, в его лице не осталось привычной сдержанной уверенности.

— Я не могу изменить то, что сделал.

— Нет. Не можешь.

— Но я могу рассказать тебе, что помню.

Алиса хотела ответить, что ей больше не нужны его воспоминания.

Но вместо этого спросила:

— Почему ты хранил эти планы?

Слава посмотрел на лист, лежавший на столе.

— Потому что в ночь, когда исчез твой отец, я видел комнату, которой не должно было быть.

— И что было потом?

Он долго молчал.

— Потом я вернулся через три дня.

Алиса почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— А я уже уехала.

— Да.

— И ты не попытался меня остановить.

— Я думал, что так будет безопаснее.

Она горько усмехнулась.

— Конечно. Ты ведь всегда лучше знаешь, что для меня безопаснее.

Слава не стал спорить.

Он развернул чертёж.

— Посмотри сюда.

Алиса не двинулась.

— Зачем?

— Потому что это не тот план, который ты нашла в архиве.

Она всё же подошла.

На листе была изображена знакомая планировка второго этажа. Спальня, лестница, коридор.

И между ними — прямоугольное помещение.

Но рядом с ним стояла подпись, написанная от руки.

Не «кладовая».

Не «техническое помещение».

Три коротких слова:

«Комната Елены Вороновой».

Алиса почувствовала, как пол под ногами словно стал мягче.

— Кто это написал?

— Не знаю.

— Откуда у тебя этот план?

— Его передали мне после исчезновения твоего отца.

— Кто?

Слава отвёл взгляд.

— Я не могу сказать.

Алиса медленно отступила от стола.

— Ты пришёл сюда, чтобы снова рассказать мне половину правды?

— Нет.

— Тогда скажи всё.

Слава посмотрел на стену, за которой скрывалась старая дверь.

— Я не знаю всей правды.

Он произнёс это без привычной осторожности. Почти устало.

— Но знаю одно. Твоя мать не просто жила в этой комнате.

Алиса посмотрела на него.

— Что ты имеешь в виду?

Слава провёл пальцем по подписи на чертеже.

— Она её построила.

Когда Слава ушёл, Алиса ещё долго сидела за кухонным столом.

Перед ней лежали два плана.

Один был официальным, из архива.

Другой — старым, с пометками от руки.

На первом комнаты не существовало.

На втором она принадлежала Елене Вороновой.

Алиса снова посмотрела на надпись под обоями.

Е. В. 1997.

Мать не просто знала о двери.

Возможно, она сама распорядилась её установить.

Но зачем?

И почему помещение исчезло из документов?

Она открыла фотографию 1938 года.

Третье окно.

Человек за стеклом.

Потом открыла снимок, который сделала несколько минут назад.

Дерево, петля, инициалы.

Два изображения, разделённые десятилетиями.

Алиса увеличила старую фотографию и всмотрелась в отражение.

На этот раз она заметила деталь, которую прежде не видела.

Фигура за стеклом стояла не прямо.

Человек слегка наклонился вперёд, будто смотрел на того, кто фотографировал дом.

И держал в руке что-то маленькое.

Светлое.

Алиса увеличила участок ещё сильнее.

Качество изображения было слишком низким, чтобы понять, что именно это было.

Но ей вдруг вспомнились слова Орлова.

«В комнате была ваша фотография».

Не фотография матери.
Не старый семейный снимок.
Её фотография.
Алиса закрыла ноутбук.
В доме стало тихо.
Настолько тихо, что она услышала, как капля воды упала с карниза за окном.
Потом раздался звук.
Один удар.
Глухой.
Из стены.
Алиса медленно повернула голову.
Второй.
Она не двигалась.
Третий.
Тишина вернулась так резко, словно кто-то выключил звук во всём мире.
Алиса подошла к стене.
На уровне её лица, чуть левее старой дверной коробки, обои едва заметно вздулись.
Она не прикоснулась к ним.
Просто смотрела.
И тогда из-за стены донёсся шёпот.
Тихий, почти неразличимый.
Но Алиса услышала своё имя.
— Алиса...
Она отступила на шаг.
Голос был женским.
И почему-то показался ей знакомым.
Хотя она не могла вспомнить, где слышала его раньше.
Или когда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.